

История как чтение Мира, или Философствование на Арбате: из воспоминаний о С.О. Шмидте

Е.Б. Рашковский

В основе статьи – воспоминания о выдающемся русском историке-медиевисте и теоретике исторической науки Сигурде Оттовиче Шмидте (1922–2013). С.О. Шмидт – сын русского математика, геофизика Отто Юльевича Шмидта и племянник выдающегося философа Якова Эммануиловича Голосовкера. В центре его исследовательского внимания проблемы источниковедения и историографии, московского краеведения и теории архивного дела, культурологии и, что особенно важно, методологии исторической науки. Огромен его вклад в дело воспитания молодых исследователей-гуманитариев, а также в дело содержательного сближения исторических и философских знаний (этот процесс представляется важнейшей частью общей динамики социально-гуманитарных исследований за последние пять-шесть десятилетий). В течение этих десятилетий его популярные лекции по радио и телевидению также были предметом исключительной важности в истории интеллектуальной жизни в России. Статья затрагивает вопросы, связанные с важностью первичных, основанных на изучении разноплановых источников фактологических знаний для философии истории и философской историографии и, шире, для философствования в целом. Автор проводит мысль о том, что опыт чтения Универсума, основанный на глубине исторических познаний и экзистенциального опыта ученого – одна из предпосылка плодотворных философских занятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: С.О. Шмидт, время, философствование, исторический источник, чтение, историография, Москва, Арбат.

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович – Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

rashkov@rambler.ru, eug.rashkov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13 июня 2018 г.

Цитирование: *Рашковский Е.Б.* История как чтение Мира, или Философствование на Арбате: из воспоминаний о С.О. Шмидте // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 194–201.

Готовя эти краткие воспоминания к публикации на страницах «Вопросов философии», я невольно задаюсь вопросом: какая польза философствующему читателю от воспоминаний историка об историке? От воспоминаний из иного «цеха» социогуманитарных знаний? И всё же, думается, такой межцеховой обмен мыслью и информацией небесполезен.

Проблема *времени* есть одна из базовых проблем, скрепляющих весь комплекс нашего мыслительного опыта: от самых общих знаний о структуре и динамике физической Вселенной до тончайших и детализированных знаний из области человеческой психологии, культуры и общественной жизни. Однако историческая наука знаменует собой особый подход к проблематике времени. Она рассматривает *время людей* изнутри хронологической последовательности явлений, событий¹. История людей и событий есть одновременно и история человеческой мысли. Динамика же последней налагает свой отпечаток и на историю событийную. История событийная и история мысли издревле проявляют свою сложную, многозначную, но всё же неоспоримую взаимную обратимость. И в этом смысле, если вспомнить труд Г.Г. Шпета, история есть воистину «проблема логики».

И есть еще один важнейший момент сопрячаивания исторической науки, ее проблем и методов миру философствования: без исторического воззрения, без философской историографии и без применения к ней методов и методик исторического познания невозможно осмысление и развитие самой философии. Возможно, обоснованное Бенедетто Кроче почти что отождествление философствования и историографии являет собой некую теоретическую крайность [Сгосе 1948], но за этой крайностью реальная проблема взаимосвязи нашей человеческой мысли и динамики времен в подвижных пространствах нашего человеческого общежития...

***

Я живу на юго-западе Москвы, в полутора километрах пешего хода — по проходным дворам — от станции метро Проспект Вернадского. Кварталы наши расположены между двумя освещенными, шумными и загазованными магистралями — Проспектом Вернадского и Ленинским проспектом. Однако в темное время суток с наших дворов видны звезды. Как-то раз, поздним и звездным вечером, когда я обычным своим шагом пробегал от метро домой, какая-то сила заставила меня последовательно вспомнить в молитве, перебирая год за годом, имена всех тех, кого считаю своими учителями в жизни и мысли. На такое перечисление краткого моего «пробега» почти что и не хватило. Однако одним из первых я должен был благодарно помянуть Сигурда Оттовича Шмидта (1922–2013), которого знал на протяжении почти что пяти с половиной десятков лет.

Среди тех, кто считает или дерзает считать себя учениками Сигурда Оттовича, я выгляжу несколько странно, ибо я — ненормальный историк. Нормальные историки, тем паче, те, которые прошли великолепную источниковедческую школу Историко-архивного института, вольной или невольной душой которого был Сигурд Оттович, занимаются выявлением и анализом причинной последовательности событий, институтов и биографий. Основной вопрос, волнующий нормального историка: как это происходило? Моя же историография иная, во многом восходящая к философской историографии Бенедетто Кроче: это историография философской мысли, где вопросы генезиса явлений, личностей и событий мучительно сопрягаются с вопросом чисто философским: что это такое? Так что в моем положении приходится совмещать рефлексию о временной последовательности человеческих судеб с рефлексией о сквозных, трансисторических ценностях и смыслах. И источниковая база у меня особая — философские и поэтические тексты во всей их смысловой и структурной сложности. В определении этой ненормальной моей судьбы Сигурд Оттович играл на протяжении десятилетий едва ли не ключевую роль.

Впервые я увидел и услышал Сигурда Оттовича в первый день моего обучения в Московском государственном историко-архивном институте. Это случилось 1 сентября 1959 г. Открывая свой курс лекций по отечественной истории допетровских эпох, Сигурд Оттович, как всегда элегантный и подтянутый, начал именно с истории исторической мысли — с историографии. И впервые я услышал имена Павлова-Сильванского, Преснякова, Платонова, Семевского... А уж о С.М. Соловьеве и Ключевском, о которых и прежде что-то знал — не говорю... И это были не просто имена, но и яркие лапидарные очерки их личностей, мысли и трудов.

От своих однокурсников я слышал немало восторженных слов о руководимом Сигурдом Оттовичем кружке источниковедения. Однако — по свойственной мне нерешительности — заглянуть туда не отваживался. Посещал кружок «истории СССР периода феодализма» (от Николая Владимировича Устюгова я «заразился» не проблематикой «генезиса капитализма» времен Алексея Михайловича², но, скорее, любовью к истории русской церковной культуры) и кружок истории КПСС (не потому, что любил КПСС, а потому, что сызмальства волновала меня трагическая проблематика нашей Революции и большевистской диктатуры). А в кружок Сигурда Оттовича, кружок источниковедения, я «переселился» уже на втором курсе.

Вообще, в определении собственных судеб я всегда оставался человеком пассивным. И с момента этого «великого» моего «переселения» весь опыт моих отношений с Сигурдом

Оттовичем характеризовался некоей односторонней активностью: все инициативы, как увидит далее читатель, исходили с его стороны. Вот и тогда, как сказывали мне однокурсники, Сигурд Оттович сам выразил желание, чтобы я стал членом его кружка: «Хватит парню сохнуть в феодализме», — так передавали мне его слова. Весть о желании Сигурда Оттовича видеть меня в числе своих кружковцев была несказанным счастьем: она разбила всегдашний мой привычный синдром вечного чужака и маргинала.

О кружке, его истории, его руководителе существует целый пласт воспоминаний и аналитической литературы³. Посему позволю себе заметки чисто субъективного свойства. Три момента поразили меня в кружке.

Первый момент — непринужденная, неказенная дружеская обстановка собеседований и дискуссий. И о чем бы ни заходила речь — о русской иконописи, об эпохе Иоаннов, о пушкинском подходе к пугачевщине, о Герцене, о русских религиозных маргиналах, о Великой Отечественной, — анализируя наши выступления и дискуссии, Сигурд Оттович как бы брал на себя нашу проблематику, наши сомнения, наши способы прочтения первоисточников и способы работы с историографическим материалом. Не говоря уже о нашей собственной жизненной и исторической рефлексии. И всё это — без менторства (сказывалось его прекрасное домашнее воспитание), с немалым артистизмом и чувством нашей общей сопричастности любым из эпизодов отечественной, а через неё — и мировой истории.

Второй момент — демократичное умение Сигурда Оттовича объединить в этой общей сопричастности людей разных научных интересов, разных судеб и темпераментов, разных интеллектуальных потенциалов. И остепененные ученые, и еще не нашедшие себя первокурсники здесь были на равных и как бы заодно. В начинающих он ценил незаклишированность и пластичность их сознаний, а в маститых — их умудренность и профессиональный опыт. И посему, как мне кажется, дорожил общением начинающих и «стариков». В заседания кружка иной раз приглашались Сигурдом Оттовичем и «сверхзвезды» тогдашней исторической науки: напр., И.Л. Андроников, А.А. Зимин, А.И. Клибанов, Н.Я. Эйдельман. Но значение и статус этих ученых не подавляли нас. Скорее — приподымали.

И момент третий — и поныне для меня загадочный: как удавалось Сигурду Оттовичу в эти годы всеобщего догматизма и всеохватного «министерства народного подозрения» (если вспомнить одну из пьес Козьмы Пруткова) сплотить вокруг себя нас — столь разных, разномыслящих и непохожих?

Думаю, что дело здесь не только в поразительной эрудиции и доброжелательности Сигурда Оттовича. Дело также и в его особой озабоченности сквозной, теоретической проблематикой исторической науки, которая требует сочетания исторически выверенных познаний с широтой и гибкостью теоретического кругозора. То, что всегда поражало и поныне поражает меня в Сигурде Оттовиче, — так это уникальная взаимозависимость его педагогического дара и чисто философского дара *чтения истории как чтения Мира*.

И это непринужденное *чтение*, проходившее на еженедельных (по средам) занятиях кружка, нередко продолжалось и в пешеходных прогулках по любимой Сигурдом Оттовичем Приарбатской зоне. Еще до того, как он всерьез занялся возрождением отечественного краеведения, он был отменным краеведом родного ему Приарбатья: не говоря уже о местах и зданиях, связанных с Пушкиным, Сергеем Аксаковым или Герценом, он мог по ходу дела, т.е. по ходу наших прогулок, рассказывать об историке русских общественных движений Иване Теодоровиче, о художнике Михаиле Нестерове, о пианисте Константине Игумнове, об историке и философе Михаиле Гершензоне. И так — дом за домом, поворот за поворотом — всё предстояло нашему взору насыщенной памятью, мыслью и культурой.

А вот и Криварбатский переулочек, дугообразно соединяющий Старый Арбат с Плотниковым переулком, бывшей слободой плотников московских царей: дом, где жил Сигурд Оттович (дом 12), — дореволюционный доходный дом, находился рядом с уникальным особняком архитектора Мельникова. И сам Арбат, со всеми его окрестностями — от Кремля до Девичьего Поля, от Тверской до «Крымского брода», — становился

в наших глазах как бы сгустком живой и мыслящей Вселенной, лабораторией прошлой, нынешней и будущей истории. Не случайно же Сигурд Оттович писал, что видит в Арбате не только «типологический образ Москвы», но и – в известной мере – «типологическое отражение жизни всей России» [Шмидт 1997, 5]...

Иногда, в ходе всей нашей арбатской исторической «перипатетики», меня мучил вопрос: как этот человек выдерживает такой внутренний напор культурной памяти? – Дело, вероятно, было не просто в некоторых свойствах личности, но и в великой *школе* старой российской интеллигентности, открытой прошлому и настоящему, собственной стране и миру. В этой *школе* энциклопедизм и живая, подвижная мысль имели свойство непрерывно восполнять и обогащать друг друга. И лишь позднее я понял, что эта *школа* – ключ к пониманию специфики целого ряда российских мыслителей относительно недавнего прошлого, будь то Вл. Соловьев, Бердяев, Шпет, прот. Александр Мень, Мамардашвили...

Арбатское «краеведение» Сигурда Оттовича как-то особенно близко моему сердцу. Ведь я и сам – «дитя Арбата», родившееся в доме на углу Старого Арбата и Кривоарбатского переулка (Арбат, 35). Однако между нами и немалая разница в годах: почти два десятка лет. И хотя в последние годы жизни он именовал меня не только Женей, но и Евгением Борисовичем – во мне, уже старом человеке, всё равно сохраняется комплекс мальчика, слегка робеющего перед учителем, которого любишь.

И был для меня еще один урок теоретического краеведения. Весной, если не ошибаюсь, 1962 г. Сигурд Оттович организовал для своих кружковцев экскурсию во Владимир и Суздаль. Он обращал наше внимание на связь городской среды, на связь расположения храмов и монастырей с их природным контекстом, с рельефом, учил понимать всю эту природную и рукотворную красоту и на закате дня, и перед восходом солнца. Не случайно Сигурд Оттович обращал наше внимание на некоторое сходство ландшафтной и пространственной структуры древнего Владимира и древнего Киева. Дорогого стоит этот опыт взаимного одухотворения культуры и природы!.. И при всём при этом мы шутили, ухаживали, танцевали, пели озорные песни и в нескольких глотках винца себе не отказывали. Молодость жадно впитывала в себя и мысль, и жизнь...

И еще об одной важной для моей судьбы встрече студенческих времен хотелось бы рассказать. Если память не изменяет, это было весной, не то в апреле, не то в мае 1963-го. Сигурд Оттович выступал в Малом зале Политехнического музея с лекцией об актуальных проблемах источниковедения. Публики было немного, а мы, кружковцы, сидели, сбившись в общую кучку. Из нашей группки были, помнится, Иосиф Беленький, Евгений Жигунов, Михаил Макаров, Владимир Петухов, Евгений Старостин.

Сигурд Оттович говорил об особой мастерской задаче историка – о чтении природы, исторических ландшафтов и городских толп, книжных, архивных, газетных и мемуарных текстов, об умении читать опыты собственной жизни и жизней окружающих нас людей: только такое чтение и образует основу подлинной исторической науки. Несколько позднее он сам писал об источниковедении как об особом направлении мысли, требующем непреложного единства «чистого» и «прикладного» знания [Шмидт 1969, 14].

Этот светлый весенний вечер запомнился мне навсегда. Он как бы преломил в себе весь мой предшествующий и последующий жизненный, научный и – не побоюсь сказать – религиозно-философский опыт. Духовность истории, внутренняя осмысленность жизни, историческая составляющая человеческого духа стали для меня чем-то непреложным. Лекция эта, как никогда прежде, укрепила меня в мысли, что наука истории есть не только и даже не столько история отошедших поколений, сколько драматическая история вселенских преемственностей и эстафет, с болью и срывами, но всё же продолжающихся через наших отцов, через нас самих и через возможных потомков наших⁴.

Теперь – самое время перейти к некоторым особенностям собственной моей судьбы, непосредственно связанным с воздействием на нее Сигурда Оттовича. А точнее – с теми вольными или невольными его импульсами, которые определяли собой основное направление моих историко-философских занятий. Сами кружковые занятия оказывались для меня своего рода философской школой. Интерес к работе с источниками конкретных исследований и (шире!)

с источниками исторического познания в их связи с нашим собственным внутренним опытом — всё это оказывалось для меня живой методологией, живым науковедением, живой философией. И что важно: в наших индивидуальных работах, в нашем научном и человеческом общении Сигурд Оттович, щедро подсказывая нам способы наблюдения и идеи, не навязывал свои требования и постулаты, но стремился, чтобы мы развивали в своих исследованиях собственные интеллектуальные и человеческие предпосылки.

В основе моих занятий в кружке, поощряемых Сигурдом Оттовичем, лежал интерес к истории русского народничества. Не будучи особым «народолюбом» и «почвенником» по складу своей личности, характера и жизненного опыта, я всё же воспринимал российскую народническую эпопею — от времен эмигрантской драмы Герцена до Антонювского восстания — как одну из важнейших тем российской и мировой истории. Тем паче, что годы моего детства, отрочества и ранней юности (жизнь по коммуналкам, общение со сверстниками во дворе, работа на производстве до поступления в институт) были тесно связаны с судьбами тогдашнего полукрестьянского российского плебса. Меня не мог не волновать сам народнический «вопросник»:

— Как соотносятся судьбы уходящего крестьянского общежития с неотвратимыми процессами индустриализации и урбанизации?

— Каковы многозначные предпосылки взаимодействия крестьянской психологии с интеллигентским и полуинтеллигентским авангардизмом? Не случайно же эгалитарным и социалистическим чаяниям свойственно опираться на психологию зависти и использовать эту психологию⁵.

— Как проявляют себя в национальных спецификах сквозные силы универсальной истории?

— Каковы в истории реальные и упущенные возможности более гуманного соотношения крестьянских судеб с неотвратимостью современного жизненного процесса?

Весь этот «вопросник» уже тогда имел для меня не только российскую, но и европейскую, и славистическую, и востоковедную значимость: благо, уже к тому времени я знал кое-что из трудов Адама Мицкевича и Ганди, проштудировал ленинскую статью о Сунь Ятсене, кое-что читал о перуанских и мексиканских мыслителях.

В те годы об этих вопросах советские ученые, как правило, думали немного: народничество, по инерции сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)», трактовалось по преимуществу как «враг марксизма»; исследования же серьезных ученых (Б.С. Итенберг, В.А. Твардовская и др.)⁶ наталкивались на грубые окрики начальства и его подголосков. Я ограничивался в разработке этой проблемы лишь робкими студенческими работами да камерными докладами у нас в институте. И вот здесь-то вновь сказала в моей судьбе добровольная забота Сигурда Оттовича. Это он заставил меня, еще студента, выступить перед «взрослыми» учеными из Института истории с докладом о двухтомной монографии Франко Вентури «Русское народничество» [Venturi 1952]; это он заставил меня вместе с покойным моим товарищем Евгением Корнильевичем Жигуновым подготовить для публикации в том же Институте истории статью о контактах нашего народнического философа П.Л. Лаврова с пионерами польского рабочего движения [Жигунов, Рашковский 1965].

А уж несколько позднее, когда мы с моей женой, Марией Аркадьевной Рашковской, занимались рукописным наследием Николая Ивановича Кареева (1850–1931), замечательного историка и социолога, преломившего в своем творчестве народнический «вопросник»⁷, Сигурд Оттович опубликовал в своем «Археографическом ежегоднике» наш анализ дореволюционной части тогда еще не изданных мемуаров Кареева «Прожитое и пережитое» [Рашковская, Рашковский 1970]⁸... Думаю, что со временем, когда накопится и увидит свет большой документальный и мемуарный материал, касающийся Сигурда Оттовича, кто-то вплотную займется проблемой «С.О. Шмидт как организатор российской исторической науки». Но это — уже дело историографов будущего...

На исходе своего пребывания в стенах Историко-архивного института я, как кур во ши, попал в глупейшую студенческую историю, косвенно спровоцированную тогдашней последней антиинтеллектуалистской идеологической кампанией Хрущева (1962–1963).

На работу по специальности меня не брали. Несмотря на диплом с отличием, дело пахло волчьим билетом. И тут, по существу, без моего ведома, по собственной воле и инициативе, дело моего трудоустройства взял на себя Сигурд Оттович. И распределили меня аж в Фундаментальную библиотеку общественных наук АН СССР (ныне ИНИОН РАН). И это лето 1964 года оказалось очередной новой вехой в моем философском самоопределении. Работа была не из легких, но удивительно плодотворная. Я должен был отбирать на книжно-журнальном конвейере новых поступлений зарубежную литературу по текущей философской, исторической и политической мысли и реферировать некоторые издания для Президиума Академии наук. Первоначально от обилия языков, форматов, шрифтов и типов бумаги рябило в глазах и трещала голова. И портилось зрение. Однако всё же — приспособился. Пришлось принимать в себя, — если вспомнить стихи Уолта Уитмена, “for future use” — разнонаправленные напоры человеческой мысли. И, стало быть, лавируя в этих потоках, заново искать самого себя.

Несколько лет подряд я работал над философской проблематикой в трудах великого британского историка Арнольда Джозефа Тойнби, но и от проблематики истории российской мысли оторваться не мог: идут годы и десятилетия, а я всё продолжаю заниматься наследием одного из воистину «князей» российской и мировой философии, а заодно и нашего арбатского земляка, исходившего пешком и изъездившего на извозчике все точки нашего арбатского края, — Владимира Соловьева.

С Сигурдом Оттовичем я постоянно, хотя и нечасто, перезванивался, но все эти годы встречался с ним и на нашем любимом Арбате, и в разных научных заседаниях, и в читальных залах московских библиотек, и в книжных магазинах. И реже — в его доме на Кривоарбатском. Слышал от него немало слов одобрения моих занятий — и Соловьевым, и Тойнби, а позже — философскими экспликациями библейских текстов. Он всё помнил. Но были и упреки: почему медлю с кандидатской? Ведь до кареевской или до тойнбианской планки нынешнему человеку на Руси всё равно едва ли дотянуться. А позднее: почему медлю с докторской? Ведь многие бывшие мои сотоварищи — уже давно с докторскими «эполетами», да и мне засиживаться в кандидатах уже как-то неприлично...

А последние годы были отмечены краткими моментами моего скромного участия в его научной активности, включая и активность историко-философскую. Так, для руководимой Сигурдом Оттовичем «Московской энциклопедии» я должен был написать статью об оригинальном и глубоком философе Иосифе Давыдовиче Левине (1901–1984), которого считаю одним из своих философских учителей¹⁰. А уж в самый последний период жизни Сигурд Оттович своим характерным приветливым, учтивым и в то же время властным тоном посоветовал мне заняться философским наследием его дяди — Якова Эммануиловича Голосовкера (1890–1967). Поначалу я так же приветливо и учтиво отпирался, но учителю в его просьбе отказать всё же не смог.

Дотоле Голосовкер казался мне мыслителем не то, чтобы чуждым, но далеким: многое в его философском облике казалось мне слишком натуралистичным и императивным. Однако благодаря Сигурду Оттовичу я обнаружил в творчестве Голосовкера немало и «своего». И прежде всего — озабоченность проблематикой творческой сердцевины в человеческой свободе и судьбе. Когда Сигурд Оттович ознакомился с рукописью моей работы о Голосовкере, которую я выслал ему по электронной почте, он сказал мне по телефону такие слова: «Так о дяде еще никто не писал»¹¹. Незадолго до кончины, в последнюю нашу встречу на Кривоарбатском, он просил меня чаще бывать у него в доме, объясняя это так: как ни важны ему беседы с учениками о конкретных материях истории, ему всё же важны размышления и беседы об общетеоретических и философских основаниях исторической науки и — шире — всего комплекса гуманитарных знаний. Но, к сожалению, по Шекспиру, — «дальше — тишина: the rest is silence» («Гамлет». Акт 5, сц. 2). Однако сквозь «тишину», сквозь «безмолвие» прощания и кончины всё равно пробиваются живые голоса памяти, признательности и призыва — поелику возможно — к дальнейшим трудам.

Примечания

¹ Вспомним и определение истории, данное Фернаном Броделем: «хронологическая последовательность форм и опытов» [Бродель 1993, 83].

² Сигурд Оттович резко отрицательно относился к тогдашнему стремлению принимать элементы товарно-денежных и рыночных отношений в допетровской Руси за элементы «капитализма» [Шмидт 1999, 25–28].

³ Образец подобной аналитики есть и в наследии самого Сигурда Оттовича. См.: [Шмидт 1994, 467–471].

⁴ Концепция культурно-исторических эстафет разработана в трудах уникального российского философа Михаила Александровича Розова (1930–2011). Анализ этой концепции Розова см.: [Рашковский 2014, 68–80].

⁵ О чем писал еще молодой Маркс в своих «Экономически-философских рукописях» 1844 г.

⁶ Сигурд Оттович симпатизировал этому кругу историков.

⁷ Этот «вопросник» важен не только для трудов Кареева по французской и польской истории, но и для его исследований по истории и теории исторической науки.

⁸ Сам же текст мемуаров Кареева увидел свет лишь в 1990 г. трудами В.П. Золотарева [Кареев 1990].

⁹ Из стихотворения “Once I Pass’d through a Populous City”, 1860/1867.

¹⁰ Справка для краеведа философской Москвы. Иосиф Давыдович (как и сын его – математик и филолог Юрий Иосифович, 1935–2010) жил в том самом доме на углу Кривоколенного и Армянского переулков (Кривоколенный, 1/8), где накануне Революции снимал квартиру Н.А. Бердяев, позднее перебравшийся в более дешевую квартиру в Приарбатской зоне (Б. Власьевский, 14, строение 1), близ церкви св. Власия – см.: [Вадимов 1993, 162]. Статью о Левине см.: [Рашковский 2008, 403].

¹¹ Публикация работы: [Рашковский 2013^b, 146–174] (эта же работа вывешена и в моем блоге: newconcepts.club/website/articles/1569.html). См. также: [Рашковский 2013^a, 305–314].

Источнику – Primary Sources in Russian and in Italian

Бродель 1993 – *Бродель Ф.* Динамика капитализма / Пер. В. Колесникова. Смоленск: Полиграмма, 1993 [Braudel, Fernand *La Dynamique du Capitalisme* (Russian translation, 1993)]

Кареев 1990 – *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подготовка текста, вступ. статья и комм. В.П. Золотарева. Л.: ЛГУ, 1990 [Kareyev, Nikolai I. *The Life Survived* (In Russian)].

Шмидт 1969 – *Шмидт С.О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 7–58 [Schmidt, Sigurd O. *Present day problems of the historical sources studies* (In Russian)].

Шмидт 1994 – *Шмидт С.О.* Вовлекая в творчество // Мир источниковедения. Сб. в честь С.О. Шмидта. М.: РГГУ; Пенза: [б. и.], 1994. С. 467–471 [Schmidt, Sigurd O. *Involving in creative activities* (In Russian)].

Шмидт 1997 – *Шмидт С.О.* От редактора // Арбатский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. М.: Тверская, 13, 1997. С. 5–6 [Schmidt, Sigurd O. *Editor's note* (In Russian)].

Шмидт 1999 – *Шмидт С.О.* Россия Ивана Грозного. М.: Наука, 1999 [Schmidt, Sigurd O. *Ivan the Terrible's Russia* (In Russian)].

Croce, Benedetto (1948) *Filosofia come scienza dello spirito*, IV, Laterza & Figli, Bari 1948.

Venturi, Franco (1952) *Il populismo russo*, I–II, Einaudi, Torino.

Ссылки – References in Russian

Вадимов 1993 – *Вадимов (Цветков) А.В.* Жизнь Бердяева. Россия. Berkeley: Calif.: Berkeley Slavic Specialities, 1993.

Жигунов, Рашковский 1965 – *Жигунов Е.К., Рашковский Е.Б.* Из истории русско-польских революционных связей 1878–1880 гг. // Общественное движение в пореформенной России. Сб. статей к 80-летию Б.П. Козьмина. М.: Наука, 1965. С. 275–299.

Рашковская, Рашковский 1970 – *Рашковская М.А., Рашковский Е.Б.* О мемуарах Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» как источнике по истории интеллектуальной жизни России конца XIX в. // Археографический ежегодник за 1968 год. М.: Наука, 1970. С. 384–391.

Рашковский 2008 – *Рашковский Е.Б.* Левин, Иосиф Давыдович // Московская энциклопедия. Т. 1: Лица Москвы. Кн. 2. М.: Фонд «Московские энциклопедии», 2008. С. 403.

Рашковский 2013^a – *Рашковский Е.Б.* Яков Голосовкер и Ханна Арендт: философская анатомия «эры ненависти» // Научные труды по иудаике. Материалы XX международной ежегодной научной конференции по иудаике. Т. 1. М.: Сэфер/Инслав РАН, 2013. С. 305–314.

Рашковский 2013^b – *Рашковский Е. Б.* Яков Эммануилович Голосовкер: философия в поисках человека // Соловьевские исследования. 2013. Вып. 38 (2). С. 146–174.

Рашковский 2014 – *Рашковский Е.Б.* Философия науки, науковедение и мир культуры // Вопросы философии. 2014. № 7. С. 68–80.

History as the Reading of Universe, or Philosophical Experience in Arbat Street, Moscow: From the Reminiscences on Sigurd O. Schmidt

Eugene B. Rashkovsky

The subject of this paper are the analytical reminiscences on Sigurd O. Schmidt (1922–2013), outstanding Russian historian and historical thinker. The paper deals with the problem of philosophical meaning of studies in different primary historical sources. The very experience of reading of the Universe based on solid historical information as well as general historical knowledge is described as a kind of fruitful preconditions of philosophical studies. Professor Schmidt, the son of Russian cosmologist Otto Schmidt and the nephew of unique philosopher Yakov Golosovker, was the well-known historian of Medieval Rus', but also the author of different works on historiography, the historical studies of Moscow and its suburbs, the theory of archives' management, cultural studies and – last, but not least – on methodology of history. Professor Schmidt made a substantial contribution in the process of mutual rapprochement of historical and philosophical knowledge. This process seems to be an important part of general dynamics of the whole complex of socio-human studies during the last five or six decades. During these decades his contribution in upbringing of young specialists in socio-human disciplines, as well as his popular lectures through radio and TV, was also the matter of exclusive importance in the history of contemporary intellectual life in Russia.

KEYWORDS: S.O. Schmidt, the Universe, time, philosophical experience, history, historical thought, reading, historiography, Moscow, Arbat Street.

RASHKOVSKY Eugene B. – E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

DSc in History, principal researcher.

rashkov@rambler.ru, eug.rashkov@gmail.com

Received at June 13, 2018.

Citation: Rashkovsky, Eugene B. (2019) 'History as the Reading of Universe, or Philosophical Experience in Arbat Street, Moscow: From the Reminiscences on Sigurd O. Schmidt', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 194–201.

DOI: 10.31857/S004287440003885-8

References

Rashkovskaya, Maria A., Rashkovsky, Eugene B. (1970) 'N.I. Kareyev's memoirs The Life Survived as the source on Russian intellectual history: the end of XIX century', *Arkheograficheskiy yezhegodnik za 1968 god*, Nauka, Moscow, pp. 384–391.

Rashkovsky, Eugene B. (2008) 'Levin Iosif Davydovich', *Moskovskaya entsiklopediya*, 1, Fond «Moskovskiy entsiklopedii», Moscow, p. 403.

Rashkovsky, Eugene B. (2013^a) 'Yakov Golosovker and Hannah Arendt: philosophical anatomy of *The hatred epoch*', *Nauchnyye trudy po iudaike. Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy Konferentsii po iudaike*, 1. Sefer / Inslav RAN, Moscow, pp. 305–314.

Rashkovsky, Eugene B. (2013^b) 'Yakov Emmanuilovich Golosovker: philosophy in search of man', *Solov'yevskiy issledovaniya*, 38, 2, pp. 146–174.

Rashkovsky, Eugene B. (2014) 'Philosophy of science, studies in science and the world of culture', *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2014), pp. 68–80.

Vadimov (Tsvetkov), Aleksey V. (1993) *Berdyayev in Russia*, CA: Berkeley Slavic specialities, Berkeley.

Zhigunov, Eugene K., Rashkovsky, Eugene B. (1965) 'On the history of Russian-Polish revolutionary contacts 1878–1880', *Obshchestvennoye dvizheniye v poreformennoy Rossii. Sbornik statey k 80-letiyu B.P. Koz'mina*, Nauka, Moscow, pp. 275–299.